

Эрнст Неизвестный: "Русские никогда не станут американцами!"

"В самый разгар сноса советских памятников я выступал против этого!" - говорит Эрнст Неизвестный. В 2003 ГОДУ всемирно известный скульптор подарил городу Кемерово монумент "Память шахтёрам Кузбасса". И вот - очередная трагедия... Его работы - всегда болевые точки жизни. "Маска скорби", "Древо жизни", "Исход и возвращение".

Политические междусобойчики

- ЭРНСТ Иосифович, многие ваши работы посвящены жертвам Второй мировой войны. В Таллине сейчас убрали из центра города памятник воинам, освобождавшим эстонскую землю от фашистов. Ваша оценка - как фронтовика и как скульптора?

- Подобное поведение эстонских властей меня как офицера-фронтовика оскорбляет лично. Именно мы освободили мир от фашизма. Это была великая жертва советского народа! Да, другие страны тоже воевали, но основная тяжесть легла на наши плечи. Перед лицом этого подвига различные политические междусобойчики выглядят недостойно. Нельзя иметь такую короткую память!

Как скульптор могу сказать: моя профессия есть летопись истории. В самый разгар кампании по сносу советских памятников я выступал против этого. Не потому, что обожал героев Октябрьской революции, но они - часть великой истории России. Каждое время порождает свои скульптуры. Монументы не должны бегать, они должны стоять!

Я не люблю противопоставлять США России, Россию - США. Это самобытные страны со своими традициями. Но всё-таки мне в современной Америке нравится, что там в одном городе могут находиться памятники генералу-южанину и генералу-северянину (полководцам времён Гражданской войны между Севером и Югом. - Ред.). Никто не дерётся, никто их не разрушает. Потому что американцы гордятся любой страницей своей истории. И это правильно. Я бы, например, хотел, чтобы в моём родном Свердловске также стояли монумент Чапаеву (или кому угодно из советских военачальников) и памятник Колчаку. Это часть жизни моего города, Урала и всей России.

"Художник - Гулливер"

- ИСКУССТВОВЕДЫ говорят: Неизвестный - это суровый стиль. Огромные размеры скульптур выражают его бунтарский дух...

- Мне эти разговоры не нравятся. Скульптор всегда консервативен, а всякие революции разрушают скульптуры. Я никогда не был бунтарём. Люди очень ярко воспринимают огромное и крохотное. Сегодня я не романтик, я больше мистик. Поэтому с удовольствием работаю и с небольшими произведениями. Но, поскольку у меня природный дар монументалиста, любая моя маленькая работа может стать огромной.

Художник - как Гулливер. Он живёт среди великанов или карликов. Большой размер для тех идей, которые меня одолевают, более выразителен. Я и сегодня мечтаю о грандиозных скульптурах - скорее, они нужны не Европе, а России. В Европе пространство заполнено монументами так, что уже задыхаешься. А у нас от Смоленска до Владивостока огромные просторы, не обустроенные ни в прямом, ни в культурном смысле слова. Размах к лицу и походке русского человека, и его психологическому максимализму.

- Друг Пушкина писатель Одоевский написал: работа художника - род религиозного акта, совершаемого в своём неприступном святилище. В вашем святилище в основном звучат трагические ноты.

- Возьмите творчество Шекспира. Конец пьесы - несколько трупов, кровь льётся рекой... Но читатель

наполнен силой великого искусства и воодушевлён. А многие советские фильмы заканчиваются сбором урожая, песнями, главный персонаж получает звание Героя Соцтруда, женится. Но застрелиться хочется после этой празднично-колхозной эпопеи... Важно не литературное содержание, а внутренний дух произведения.

"Поговорим в руднике"

- ГОВОРЯТ, что "деньги - это отекающая свобода". Для вас два этих понятия взаимосвязаны?

- Деньги имеют огромное значение. Это действительно отекающая свобода - для содержательного и внутренне состоявшегося человека. Для Личности. Одновременно это рабство для обывателя.

- Сегодняшними российскими властями вы любимы. Не встанет вопрос о возвращении на родину?

- Мне это постоянно предлагают. Но вынужден сам себе отказать. Если бы я был писателем или философом, мне понадобились бы только ручка и бумага. А скульптору, особенно монументалисту, нужно отлаженное производство. И никаких надежд иметь такие же возможности, как, скажем, у Зураба Церетели, у меня нет. А начинать с нуля в 82 года я не могу.

В тоталитарном государстве диктатору достаточно было приказать, и Художнику создали бы все условия. В этом смысле я сторонник монархии. Но в России творческая интеллигенция выживает кто как может.

Большие ли у меня возможности в Америке? Как всегда, хотелось бы больше. Но, во всяком случае, здесь есть отлаженное сообщество специалистов - литейщиков, ювелиров, которые на меня работают. Некоторые уже 30 лет.

- Вспоминаете, как Хрущёв на встрече с творческой интеллигенцией сказал, что у него колики в животе от музыки Ойстраха, а сумасшедшего Неизвестного надо спрятать в психушку?

- Ну, это была ерунда по сравнению с тем, что сказал мне председатель КГБ Шелепин: "Мы с вами ещё поговорим в урановом руднике".

Причины моего отъезда из СССР просты: Неизвестного выгнали из страны. У меня был выбор: поехать в Сибирь или на Запад. Как человек, не желающий быть традиционной русской жертвой, я выбрал эмиграцию. Трудно ли мне было выживать в условиях западного капитализма? До сих пор сложно. Я не люблю цифры и не умею поддерживать полезные связи, мне скучно. Хотя отдаю себе отчёт, что сейчас миром правит бескрылый прагматизм.

Если сегодня в России устанавливается капитализм, пускай это будет русский капитализм! Никогда никто не заставит Россию стать Америкой или Францией. Я глубоко убеждён: если вдруг президент и руководство страны (и даже все граждане!), проснувшись поутру, скажут: "Будем жить, как на Западе. Станем американцами", то всё равно ничего не получится. У нашей страны есть свои национальные, традиционные, да и географические особенности. Поэтому мне смешна боязнь некоторых, что в России по велению либералов вдруг наступит Америка.

- Микеланджело писал: "Дух мой заточён словно в сосуде, и душа перестала быть скакуном". Вам 82 года. Дух не порабощён? С каким настроением вы сейчас живёте?

- Я привык к своей сверхэнергии и устал от неё. Сейчас меня раздражают отсутствие напора и

противоречия между телом и желанием духа. Но я продолжаю работать. А настроение... По-американски сказал бы, что я оптимист. Но, поскольку родился в России, скажу на свойственном мне русском языке. Я верил и верю в Божий промысел...